

Коллекция «ГАРФАНГ»
ЛИТЕРАТУРА БЕСПОКОЙНОГО ПРИСУТСТВИЯ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

В свое время немецкая пресса в недопустимых выражениях критиковала Ганса Гейнца Эверса за продолжение “Духовидца”, то есть за посягательство на величие Фридриха Шиллера. Мы не собираемся с морального пьедестала обсуждать этот вопрос, а просто хотим познакомить читателя с незначительными изменениями в тексте Шиллера. Впрочем, в послесловии Ганс Гейнц Эверс четко объясняет ситуацию:

«Героев зовут принц фон ***, граф фон О***, юнкер фон Ц***, кардинал А*** и т. д. Они выезжают из К*** или еще откуда-нибудь, посещают *** церковь или *** монастырь. Шиллер, верно, и сам чувствовал, как утомительно это действует в процессе чтения, и ближе к концу дал новому герою, итальянскому маркизу, вполне нормальное имя: Чивителла. Я также решил дать имена персонажам, равно как странам, городам и монастырям».

Да простят ревнители Шиллера, если таковые найдутся, но воля составителя и продолжателя в данном случае для нас закон.

Фридрих Шиллер
Ганс Гейнц Эверс

Духовидец

Из воспоминаний графа фон О***

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 84-445

Ш 58

Коллекцию ведет

Евгений Головин

В издании коллекции участвуют

Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

Шиллер Фридрих, Эверс Ганс Гейнц

Ш 58 Духовидец (Из воспоминаний графа фон О***) / Пер. с нем. Р. Райт, Е. В. Головина. – М.: Языки русской культуры, 2000.—384 с.

ISBN 5-7859-0184-6

Неоконченная повесть Фридриха Шиллера «Духовидец».

Вторая половина XVIII века – не только благодать Просвещения, это эпоха мрачных тайных обществ, орденов сомнительного египетского происхождения, исступленной веры в непременные ужасы загробного мира.

«Я увлеченно читал книгу, которую, как и всякий, кто в то время хоть сколько-нибудь был предан романтизму, носил в кармане. Это был Шиллеров “Духовидец”». Так вспоминает Э. Т. Гофман.

Знаменитый мастер черной фантастики Ганс Гейнц Эверс (1871—1943) рискнул продолжить и закончить «Духовидца». Этот писатель резко усилил жестокую безысходность повести. Обманы, разоблачения, неутолимая ревность, кошмар неразделенной любви. И над всем этим – inferнальные гримасы загробных инициаторов наших гибельных страстей и не менее гибельных иллюзий.

ББК 84-445

© Е. В. Головин. Перевод
второй части, 2000

© Языки русской культуры, 2000

Фридрих Шиллер

ДУХОВИДЕЦ

Из воспоминаний графа фон О***

ЧАСТЬ I

Перевод Р. Райт

Я хочу рассказать одну историю, которая многим покажется неправдоподобной, хотя почти вся она происходила у меня на глазах. Но для тех немногих, кто осведомлен о некоем политическом событии, этот рассказ (если только он застанет их в живых) послужит желанной разгадкой всего происшедшего. Для остальных же он станет если не ключем к тайне, то еще одной страницей в истории заблуждений человеческой души. Читатель будет изумлен дерзостью, с какой злодейство способно преследовать поставленную им цель, он поразится, сколь необычные средства изыскиваются для достижения этой цели. Чистая, строгая истина будет водить моим пером, ибо, когда эти строки увидят свет, меня уже не станет и ни вреда, ни пользы повествование это принести мне не сможет.

Возвращаясь в 1779 году в Курляндию, я посетил принца Александра в Венеции, в дни карнавала. С принцем мы встретились на военной службе и сейчас возобновили знакомство, прерванное заключением мира. Так как мне и без того хотелось осмотреть досто-

примечательности Венеции, а принц ждал только векселей, чтобы вернуться в Германию, он без труда уговорил меня составить ему компанию и на время отложить свой отъезд. Мы решили не расставаться, покуда продлится наше пребывание в Венеции, и принц был так любезен, что предоставил мне свои собственные апартаменты в «Мавритании».

Проживал он здесь в строжайшем инкогнито, потому что ему хотелось пользоваться полной свободой, да и скромные средства, выделенные двором, не позволяли ему вести образ жизни, соответствующий его высокому званию. Вся его свита состояла из двух дворян, на чью скромность он вполне мог положиться, и нескольких верных слуг. Он избегал пышности не столько из бережливости, сколько по складу своего характера. Он бежал светской суеты и, хотя ему было только тридцать пять лет, не поддавался никаким соблазнам этого рода наслаждений. К прекрасному полу он до сей поры проявлял полнейшее равнодушие. Более всего принц был расположен к серьезному раздумью и мечтательной грусти. В своих склонностях он был сдержан, но упорен до чрезвычайности; друзей выбирал осторожно и робко, но привязывался к ним горячо и навеки. В шуме и суете людской толпы он держался обособленно; погруженный в мир своих вымыслов, он часто казался чужим в мире действительном. Не было человека, который, не страдая слабоволием, мог бы так легко поддаться чьей-либо власти. Он не знал страха и был надежным другом тому, кто сумел завоевать его доверие. И он мог с одинаковым мужеством бороться с каким-

нибудь укоренившимся предрассудком и умереть за то, во что верил сам.

Как третий по старшинству принц правящей династии, он не имел почти никакой надежды на престол в своей стране. Честолюбие никогда не пробуждалось в нем, и страсти его были направлены в иную сторону. Довольствуясь тем, что не зависит ни от чьей чужой воли, он и сам не испытывал искушения властвовать над другими. Спокойная свобода частной жизни и радость общения с умными людьми отвечали всем его желаниям. Он читал много, но без разбора: из-за небрежного воспитания и слишком ранней службы в армии он не стал духовно зрелым человеком. Все знания, почерпнутые им впоследствии, только усилили путаницу в его понятиях, которые не имели под собой твердой почвы.

Как и все в его роду, принц исповедовал протестантство скорее по традиции, чем по убеждению, так как он и не пытался вникнуть в сущность религии, хотя в известный период своей жизни увлекался религиозными мечтаниями. Масоном, насколько я знаю, он никогда не был.

* * *

Однажды вечером, когда мы с ним, по обычаю тщательно замаскировавшись, прогуливались по площади св. Марка, не вмешиваясь в толпу, — время было позднее, и толчея стала меньше, — принц заметил, что нас упорно преследует какая-то маска. Неизвестный был в армянском платье и шел один. Мы ускорили шаги и

пытались сбить преследователя, неожиданно меняя путь, но напрасно — маска неотступно следовала за нами.

— Уж не завели ли вы здесь какую-нибудь интригу? — спросил меня, наконец, принц. — Мужья в Венеции — народ опасный!

— Нет, я не знаком ни с одной из здешних дам, — ответил я.

— Давайте присядем и начнем беседовать по-немецки, — предложил принц, — мне кажется, что нас принимают за кого-то другого.

Мы сели на каменную скамью, ожидая, что маска пройдет мимо, но она направилась прямо к нам и опустилась рядом с принцем. Принц вынул часы и, вставая, громко сказал мне по-французски:

— Уже девять часов! Пойдемте. Мы забыли, что нас ожидают в Лувре.

Сказал он это только для того, чтобы сбить маску со следа.

— *Девять часов*, — медленно и выразительно повторил незнакомец на том же языке. — Пожелайте себе удачи, принц (тут он назвал его по имени). *В девять часов он скончался.*

С этими словами маска поднялась и ушла.

В изумлении смотрели мы друг на друга.

— Кто скончался? — спросил принц после долгого молчания.

— Пойдем за маской, — предложил я, — и потребуем объяснений.

Мы обошли все закоулки площади св. Марка — маски нигде не было. Разочарованные, вернулись мы в